

После своих шестнадцатых именин принцесса Рейна объявила себя взрослой женщиной, "свободной летать, куда захочу".

Взгляд Дейенерис скользнул на следующую страницу, чтобы увидеть прекрасную иллюстрацию дракона Рейны, Дримфайра. Стройная и грациозная, ее чешуя была бледно-голубой с серебристыми отметинами. Изображение Дримфайра на странице было запечатлено с распростертыми голубыми крыльями и открытым ртом, издающим громкий рев.

Она вздохнула, задержавшись на странице еще на несколько секунд. У Дейенерис не было и крупицы смелости ее предков. Она никогда не могла себе представить, что скажет своему брату, что будет делать то, что выберет сама. Ей уже перевалило за десять и шесть, и даже прибавившиеся годы не сделали ее смелее.

Напряжение в шее заставило ее откинуться на спинку сиденья. По ее спине пробежала волна дискомфорта, ее тело одеревенело от стольких часов пребывания в одном и том же кресле. Свеча на ее столе значительно уменьшилась с тех пор, как она впервые зажгла ее, удалившись в свои покои после пира.

Пир затянулся далеко за полночь, но ей слишком не терпелось открыть свою новую книгу, чтобы откладывать это на следующий день. Она зажгла свечу и пообещала прочитать только первые пару страниц, но волнение не отпускало ее до глубокой ночи. Небо окрасилось в розоватый оттенок, слабые лучи раннего солнца проникли в ее комнату, сигнализируя ей о том, как поздно она не легла спать.

Дейенерис зевнула; на нее накатила дремота. У нее оставалось еще несколько часов до того, как она должна была встать. Она подошла к своей кровати и заснула, как только ее голова коснулась подушки.

— Как ты это назвал?

Дейенерис узнала о Семи Королевствах из песен и историй, но, слушая Дагона, она поняла, что очень мало знает о его доме. Железнорожденные казались такими странными и непохожими на могущественных лордов из фолиантов, храбрых рыцарей из ее песен или красивых героев из ее историй. Хотя, подумала она, он такой же красивый, как и они.

Дагон пришел навестить ее на следующий день после ленча. Он принес с собой второй сундук с золотом. Столь довольный и отвлеченный всем своим новым богатством, Визерис отмахнулся

от предложения Иллирио, чтобы она и ее жених прогулялись по его садам. У них был сопровождающий, скучающий, незапятнанный, который стоял в конце их пути, едва наблюдая за ними.

Сады за домом были обширными, и не было никаких признаков павильона, который магистр возвел предыдущим вечером. Они с Дагоном присели на скамейку возле небольшого бассейна, после того как целый час бродили по садам.

— Железная цена, — ответил он, не смущаясь необходимостью повторяться. — Это приобретение имущества у наших поверженных врагов.

Накануне вечером он говорил о городах Вестероса, которые были для нее всего лишь названиями, но в его голосе они звучали по-другому. По его словам, она чувствовала себя так, словно он вытащил ее на улицы Олдтауна, где царствовал массивный небоскреб Хайтауэр, или приплыл в доки Белой гавани с ее приветливыми побеленными стенами. Рассказы Визериса были пропитаны горечью и печалью. Они чувствовали себя сломленными и израненными, но Дагон вдохнул новую жизнь в старые имена и места.

Сегодня он больше рассказывал о своем доме. Все эти истории были для нее в новинку. Это были земли, которые ее брат никогда не утруждал себя обсуждением.

— Одинокий свет, — сказал он, поэтичное название для мрачной земли. Он рассказывал о своих первых морских походах, о кораблях, на которых служил, о людях, с которыми был в команде, и она не могла удержаться от улыбки. Это была не та улыбка, которую мне приходилось изображать. Она любила море, его моряков и их песни. И всю ту свободу, которую это сулило.

Дейенерис не могла вспомнить, когда в последний раз ей было так весело. Он - лучшая компания, чем мой брат. С Визерисом она ходила неуверенно, говорила тихо и делала все осторожно, не желая будоражить дракона, не желая чувствовать его гнев. С Дагоном она про себя сравнила своего жениха со своим братом, он уже чувствует себя скорее другом, чем незнакомцем.

Она остановила распространение этой мысли, зная, что не может довольствоваться такой глупостью. Дейенерис встречала многих дворян, которые были добры к ней, которые баловали ее, которые заставляли ее смеяться, и в течение двух недель они вышвырнули бы ее и ее брата из их дома на улицу, не задумываясь и не оглядываясь. "Он хочет моей руки, — напомнила она себе, — а не меня саму".

— И ты практикуешь это? — спросила она, возвращая свои мысли к их разговору после того, как между ними прошло несколько мгновений молчания.

— В разумных пределах, — сказал Дагон, - я не стану красть чужие штаны.

Дейенерис хихикнула над нелепостью этого. Ее щеки немного порозовели, когда она подумала о мужчине, стоящем перед ней в одних бриджах. Она прочистила горло, отводя взгляд, чувствуя себя немного взволнованной этой озорной, но соблазнительной мыслью.

"Это фарс, сестра", — предупреждение ее брата прозвучало резким шепотом у нее в голове. И всего лишь фарс. Не забывай об этом.

Размышляя над этой ценой на железо, Дейенерис не могла удержаться и более тщательно изучила то, что было на нем надето. Его брюки были тускло-коричневыми, а туника - оранжевой, но что действительно привлекло ее внимание, так это плащ, который был на нем надет. Это была великолепная накидка, целиком сделанная из ярких перьев - оранжевых, красных, желтых, синих, фиолетовых. Обернутая вокруг него, она делала его похожим на какую-то большую задумчивую хищную птицу.

— А как насчет того, что на тебе надето? — Она спросила: — Золото или железо?

Он заметил, что она смотрит на его плащ. Он провел пальцем по нескольким ярко-оранжевым перьям.

— Железо, — ответил он, — я снял это с корабля пиратов. Это было частью его груза. — Он опустил руку: — Эти ботинки, — указывая на те, что были на нем. — Сделан из чешуи виверны с теньевыми крыльями.

— Золото? — она догадалась.

Дагон покачал головой.

— Железо. К счастью для меня, они подходят друг другу. Я взял ботинки, мой друг забрал все остальное. Она считала, что это честная сделка.

— Она забрала остальную одежду и оружие этого моряка? — спросила Дейенерис, пытаясь разобраться в этих странных обычаях.

Дагон колебался.

— Да, это было что-то в этом роде, — ответил он, — она одна из моих самых старых подруг, — он сделал паузу, казалось, что-то обдумывая, — Вы хотели бы с ней познакомиться?

"Да", — подумала она, гадая, как бы выглядел этот друг. Эта женщина, одетая в мужскую одежду. Она чуть не захихикала от того, насколько скандальным это могло бы быть.

Он улыбнулся:

— Я посмотрю, сможем ли мы организовать встречу между вами двумя. — Затем он похлопал по своему украшенному драгоценными камнями поясу. Он был в нем накануне вечером.

— Золото или железо? — спросил он, продолжая их маленькую игру.

— Железо, — догадалась она, думая, что теперь поняла. Его подтверждающий кивок придал ей уверенности.

— Я снял его у соперника, — сказал он. — Мы были женихами одной и той же лисениской куртизанки.

— О? — Она старалась, чтобы ее тон и выражение лица оставались беззаботными. Одновременно отрицая маленькое, холодное щемящее чувство, которое каким-то образом возникло у нее в груди при этой новой информации. Дейенерис практически могла бы услышать презрение своего брата, если бы он обнаружил такую реакцию с ее стороны. Уже влюблена, сестра?

— Да, порядочный человек, пока не напился, — глаза Дагона были темными в лучах послеполуденного солнца. — Ее проблема заключалась в том, что он напивался все чаще и чаще, поскольку его бизнес терпел крах, и она попросила об одолжении, — ему не нужно было говорить, в чем заключалась услуга, — Я согласился, я забрал его пояс, прежде чем лишить его жизни. — Его палец постукал по украшенному бриллиантами поясу.

— Она, должно быть, была довольна, — сказала Дейенерис, и была бы очень красива. Куртизанки славились во всех Вольных городах своей красотой и силой, остроумием и богатством. Независимо от положения человека, певца или ремесленника, дворянина или купца, все они сходили с ума от желания добиться их благосклонности и, по-видимому, даже убивали во имя них. Некоторые песни действительно поются по-настоящему.

— Была, но это было очень давно.

Он улыбнется тебе, скажет, что он хороший человек, возможно, он даже поверит в это, голос ее брата настойчиво вторгался в ее мысли, но он скажет что угодно, лишь бы трахнуть тебя, голос Визериса обвился вокруг ее сердца. И как только он трахнет тебя, он забудет тебя, но не меня, моя милая сестренка, - нотка беспокойства прозвучала в его голосе, но это не могло скрыть злобного удовольствия, сквозившего в его тоне. Я всегда заботился о тебе, как твой брат и твой король.